

УДК 94(497.1)

**ЗАДРУГА И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ:
СЕРБСКАЯ ОБЩИНА В УСЛОВИЯХ ДОГОНЯЮЩЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

P. S. Selezenev

**ZADRUGA AND WESTERNIZATION:
SERBIAN COMMUNITY IN CATCH-UP MODERNIZATION
(the second half of the 19th – early 20th centuries)**

R. S. Selezenev

В статье рассматривается процесс эволюции сербской общины (задруги) под влиянием догоняющей модернизации (вестернизации) во второй половине XIX – начале XX вв. Делается вывод о том, что в условиях вестернизации задруга меняется, распадается, но сохраняется как общественный институт к началу XX в.

The article deals with the evolution of the Serb community (zadruga) under the influence of overtaking modernization (Westernization) in the second half of the XIXth – early XXth centuries. It is concluded that in the context of Westernization zadruga changed, split, but it remained a public institution up to the beginning of the XXth century.

Ключевые слова: Сербия, догоняющая модернизация, вестернизация, община, задруга.

Keywords: Serbia, catch-up modernization, westernization, community, zadruga.

Исторически так сложилось, что среди всех балканских территорий, входивших в начале XIX столетия в состав Османской империи, именно сербские земли первыми начали вооруженную борьбу за национальную независимость, соответственно, первыми встали на путь государственного строительства. Первые органы власти будущего сербского автономного княжества (юридически и фактически появившегося в 1833 г.) оформились в ходе двух сербских восстаний 1804 – 1815 гг. Это власть лидеров, вождей восстаний (Карагеоргия и Милоша Обреновича), скупщина и правительство. Политические институты молодого княжества выделились из традиционных, патриархальных институтов сербского общества. Будущий князь – это военный вождь, представительный орган власти – это народное собрание, правительство – изначально это совет старейшин. Данная тесная увязка нового и традиционного и отличала сербское общество, которое характеризовалось «исторической замкнутостью на традиционные экономические и политические институты» [18, с. 21].

Одним из таких патриархальных институтов, на который было «замкнуто сербское общество», стала задруга – большая патриархальная семья, сербская община. Роль и значимость задруги для сербского общества трудно переоценить. Задруга стала для сербской нации той ячейкой, которая позволяла сохранять и замыкать древние, традиционные формы поведения и миропонимания, в том числе сохранять национальное начало – «в турецких провинциях он (институт общины) сделался как бы убежищем и алтарем сербского народа, оттесненного от общественной жизни и обратившегося к семейству, где в сохранивших первоначальную чистоту обычаев он нашел утешение» [4, с. 21]. Как заметил сербский исследователь Д. Джорджевич, «потерянное на Косовом поле государство они спрятали в своей задруге» [18, с. 22]. В стремлении предотвратить поглощение своей национальной культуры сербы, так сказать, консервировались в своем узком сербском микромире, социаль-

ным воплощением которого стала задруга, которая сохраняла исконно сербские начала.

И при этом по своему устройству была очень похожа на государство, являясь его маленькой копией, где старейшина выполнял роль главы этого микродо-сударства, а все члены беспрекословно ему подчинялись. Поэтому, как замечает А. Л. Шемякин, когда перед сербами встала задача возрождения собственной государственности, задача преобразования Белградского пашалыка – бывшей провинции Османской империи – в княжество, совсем не случайно они обратились к традициям семьи (задруги), трактуя государство как многократно увеличенную ее копию. Очень точно об этом высказался Вук Караджич, описывая избрание Карагеоргия вождем Первого сербского восстания, – «ни один дом не может существовать без хозяина, – говорили участники скупщины. – Вот и нам надо знать, кого спрашивать и кого слушаться» [18, с. 23].

Для формирующегося сербского княжества вторая половина XIX столетия – это время догоняющей модернизации, или точнее вестернизации. Правящая элита предпринимает попытку перенести на сербскую национальную почву западные институты и нормы. Вестернизация видоизменяла многие традиционные институты сербского общества. Как выразился один из современников, «постоянное пяление на западно-европейский образец» [8, с. 32], не пощадило и задругу, деформируя и меняя этот, пожалуй, самый традиционный из традиционных общественных институтов. По мнению современной сербской исследовательницы, основные принципы задруги – «неделимая собственность, коллективный способ производства, полноправие членов задруги были несовместимы с модернизированным обществом» [3, с. 25]. Отмечая сам факт деформации задруги под влиянием модернизационных изменений, исследователи пока не углублялись в суть этих изменений. Хотя исследовательский интерес к «задружному началу» сербского общества появился не вчера и имел место еще в рамках дореволюционной славистики.

Вместе с тем даже в отдельных работах, посвященных устройству задруги, авторы, как нам показалось, рассматривают задружную организацию вне исторического контекста как что-то стабильное и мало подверженное изменениям. А вместе с тем изменения имели место и изменения более чем серьезные. По крайней мере это применимо к XIX столетию. Поэтому нас больше будет интересовать не исконное и древнейшее состояние сербской задруги, а ее эволюция, изменения под влиянием уже выше упомянутых процессов. Основным источником для реконструкции облика задруги в условиях нового времени станут описания Сербии, составленные иностранцами – русскими, побывавшими в Сербии. Это были разные люди – ученые-слависты, публицисты, простые путешественники, добровольцы (солдаты и офицеры), врачи. Однако их объединяет не простой обывательский, а именно исследовательский интерес к чужой земле. По словам П. А. Ровинского, познавательная цель подобных записок – «обращать внимание на их (сербов) внутреннюю жизнь, на историю быта и просвещения» [20, с. 73]. Взгляд извне, чужой взгляд на чужую жизнь и действительность подмечает те моменты, которые не видит сам житель этой страны. В этом и ценность подобного рода документов.

«Что же такое задруга?» – задается вопросом один из исследователей, – «это маленькое общество, состоящее из нескольких семей, тесно связанных между собой родством» [7, с. 53]. Исторически это большая патриархальная семья, род, состоящий из нескольких малых семей. Численность задруги была различна – от 10 – 20 до 100 (или более) человек. Как правило – это несколько сыновей одного отца с их женами и детьми, живущие в одном дворе. Если это большая по численности задруга, то она могла объединять жителей целого села, деревни [6, с. 4]. Деревня (община) обыкновенно делилась на несколько частей, называемых «радий», каждая радия состояла из большого или малого числа домов («куч»). В каждой куче был свой глава семьи (старейшина), однако все они подчинялись воле старейшины задруги. Хозяйство, имущество и потребление произведенного в такой семье (общине) было общим – «полная неразделенность, принимающая не только общее производство и общее пользование орудиями труда, но и общность потребления» [7, с. 53]. Во главе задруги стоял выборный домохозяин (домачин, господарь). Женская половина дома и женские обязанности управлялись его женой (домачиной, господарицей). Домохозяин и его жена были лишь первыми среди равных и выбирались всеми членами задруги. Высшая власть принадлежала совету всех членов – взрослых мужчин и женщин.

В наши задачи не входит подробный анализ устройства задруги, рассмотрение отношений собственности, иерархии членов и других вопросов. Эта задача должна быть решена отдельно. Но применимо к нашему периоду необходимо развести два понятия – задруга и община. Первое – это и есть собственно большая патриархальная семья у южных славян, а община – это административно-территориальная единица, сравнимая с русской волостью. Статус общины впервые официально зарегистрирован в Сретенской конституции 1835 г., согласно которой Сербия дели-

лась на округа, срезы и общины. Последняя и состояла из нескольких задруг. Однако очень часто и исследователи, и современники, описывавшие Сербию, термины «община» и «задруга» употребляют как синонимы, имея в виду под «общиной» не административно-территориальную единицу, а именно задругу, сравнивая ее с русской общиной. Исходя из этого, мы так же будем употреблять данные понятия как синонимы.

Первейший факт в отношении задруги, который отмечали русские наблюдатели в XIX в., – это серьезное вмешательство в ее дела со стороны государства. Что вполне логично, так как значительное увеличение роли государства решительно во всем – это важнейший признак именно догоняющей модернизации.

Последствия государственного вмешательства для задруги также не ускользнули от взгляда современников.

Это, в частности, увеличение полномочий государственных чиновников на местах, наряду с традиционной властью старейшины в задруге – «власть капитана (глава исполнительной власти) в срезе так обширна и деятельна, что даже выборы общинных старост редко проходят без вмешательства центральной власти» [8, с. 32 – 33].

Неизбежен и следующий момент – увеличение налогового бремени. Именно налоги стали одной из важнейших причин тех деформаций, которые переживала сербская задруга на протяжении XIX века, особенно во второй половине столетия. По словам сербского исследователя Д. Джорджевича – «введя подушную подать, Милош Обренович подписал смертный приговор задруге» [18, с. 25].

Непродуманные и порой поспешные разделы земли внутри задруг, которые начались еще при Милоше Обреновиче и иногда приводили к образованию мелких хозяйств, которые вскоре разорялись, – еще одно из последствий государственных преобразований: «в хозяйственном отношении это деление имеет еще ту невыгоду, что каждый хозяин должен иметь отдельный выгон и отдельного пастуха; в больших задругах это еще не так ощутительно, но в мелких оно ведет к тому, что они мало-помалу сокращают свое хозяйство и в конце-концов отдаются мелкой торговле, перебиваясь перекупкой и перепродажей» [13, с. 80].

Б. В. Евреинов указывает еще один факт, который так же не способствовал крепости сербской общины, – «по новым законам право семьи на имущество стало признаваться только за большими, сложными задругами, в простых же, состоявших лишь из отца и сыновей, собственность была признана личной, и старшине было предоставлено право распоряжаться ею по своему усмотрению, хотя и с известными ограничениями» [5, с. 445].

Вышеупомянутые обстоятельства приводили к закономерной неизбежности – разделам сербской задруги. Это стало доминирующим явлением второй половины XIX столетия. Об этом пишут если не все, то многие, кто побывал в Сербии и имел к ней исследовательский интерес: «эти большие семьи, иначе называемые задруги, видно, отжили свое время, и как народ, так и правительство замечают этот факт» [14, с. 101].

П. А. Ровинский приводит следующий факт. На скупщине 1867 г. министр внутренних дел сообщил, что в 1861 – 1863 гг. было всего 4469 случаев раздела задруги, а в последние три года – 5024; по этому расчету на каждый год приходится по 1700 дележей. «Если, – заключает министр, – это деление продолжится в той же самой мере, то можно предвидеть, что скоро не станет этого учреждения, столь полезного для нашего народа и государства» [14, с. 101].

Об отношении государства к ситуации с разделами мы поговорим ниже. Здесь же важно разобраться в причинах и последствиях данных разделов. И здесь вновь мы находим ответы в записках русских «гостей» в Сербии. При этом необходимо отдавать себе отчет, что анализ всего комплекса причин и последствий деления задружной организации в Сербии второй половины XIX – начала XX вв. – это задача для отдельного исследования, требующая привлечения гораздо более разнообразного спектра источников. У нас же стоит более скромная задача – разобраться в том, как вышеупомянутые процессы видели и описывали русские путешественники, посещавшие Сербию. Будучи людьми образованными, они порой очень верно видели и трактовали окружающую их действительность. Впрочем, всегда есть место субъективности и эмоциям, такова неотъемлемая особенность данного типа источника. Так крайне безапелляционно и вполне серьезно некоторые из русских авторов обвиняют в развале задруги сербскую женщину, просто повторяя тот стереотип, который, видимо, имел место в сербском обществе, – «ей же приписывается и причина разделения задруги и вообще нарушение семейного счастья» [14, с. 108]. Исходной предпосылкой подобного суждения является тяжелое и неравноправное положение женщины в сербском обществе – «право, трудно сказать, когда здесь женщины отдыхают: днем они заняты задружными работами, ночью каждая из них старается поделаться что-нибудь себе. Вот они и ссорятся, лишь только одна заметит, что у другой более времени, чем у нее, завидуют друг другу и затем начинают мучить своих мужей. Происходит раздел, и задруга распадается» [2, с. 373]. Вместе с тем положение женщины в патриархальном сербском обществе действительно было тяжелым, и поддержание домашнего быта задруги действительно ложилось на женские плечи. Однако, изучение положения сербской женщины в XIX в. и анализ корреляции этого положения под влиянием модернизации – это по-прежнему задача будущих исследований, в этом направлении сделаны лишь первые шаги [15].

Имелись и более взвешенные попытки понять суть того, что происходит с сербской «формой народной жизни». П. А. Ровинский, который более подробно, чем другие авторы, описывал состояние сербской задруги, попытался понять причины, по которым, по его мнению, шел развал сельской общины. Русский ученый отмечает, что задруга у сербов, как и любая община, выполняла традиционные для нее функции – экономическую и политическую. Турецкая опасность добавила еще и оборонительную функцию. Не конкретизируя, что же изменилось со временем в формах и методах ведения хозяйства или в экономическом положении сербского крестьянства, что позволило бы

ему выделяться из больших общин, автор, тем не менее, отмечает: «минование внешней опасности, в которой сербы себя чувствовали при господстве турок, одной причиной стало меньше; в экономическом отношении ее может заменить свободная ассоциация, и народ расстается с этой древней формой, он расстается с ней, потому что видит возможность выйти из нее, и расстается, сохраняя к ней полное уважение, привязанность, есть, значит, причины, которые вынуждают народ бросать задругу и обрекать себя на экономическую слабость, причины очень важные, которые заставляли держаться задруги до тех пор, пока грозила опасность, с которой главным образом связана ее причина существования» [14, с. 103]. Но что это были за причины, автор не уточняет, видя главную причину распада задруги в устранении турецкой опасности.

Вышеупомянутые попытки государственного вмешательства в дела задружной организации также могут быть обозначены как причины ее деформации. В частности, еще русские историки-слависты отмечали, что одну из решающих ролей в «вырождении» задруги сыграли попытки вмешательства власти в выборы старейшины, что приводило к разногласиям среди членов, к назначениям плохих старейшин, которые выполнению своих обязанностей предпочитали казнокрадство [6; 7]. Таким образом, именно фактору государственного вмешательства в дела общины уделялось большое значение – «кодификация законов в Сербии нанесла этому институту самые губительные удары... сербский кодекс, списанный с австрийского сам бы нуждался в реформе» [4, с. 25]. Путешественники, побывавшие в Сербии, вторят исследователям: «удар существованию задруг был нанесен после освобождения Сербии, когда правительство, заимствовав готовые и чуждые стране законы, применило их на практике, не согласовав предварительно с существовавшими уже там народными обычаями» [5, с. 445]. Таковы были «гримасы политической модернизации в Сербии» [17]. Однако современные исследователи не столь категоричны к сербскому законодательству, но и они отмечают, что не напрямую, но косвенно оно все-таки поощряло разделы общин – «сербский гражданский кодекс, принятый в 1844 г. сохранил задружный принцип коллективной собственности на землю, но позволил раздел большого семейства. Этим он открыл путь неограниченному дроблению земельной собственности» [3, с. 26].

При этом главным врагом задруги дореволюционные исследователи называли частную собственность, которая становилась все более распространенной, – «в тех местах, где задруга начинает предчувствовать возможность своего разложения, там члены начинают сильно стараться приобретать побольше в свою частную собственность, чтобы обеспечить себя на случай раздела» [7, с. 60].

Каковы же были последствия дробления общин? Сразу несколько авторов отмечают, что главным последствием стало появление большого количества малых (малочисленных по количеству членов – 10 – 15 человек) задруг. Еще один результат – образование так называемых специализированных задруг (молочных, винодельных, плодородных) [5, с. 446].

Подобные «формы народной жизни», конечно, мало напоминают традиционные большесемейные общины, они, по сути, таковыми уже и не являются. И организованы они не столько по принципу родства (разделенная задруга могла состоять из одной малой семьи или из двух-трех семей) или полной общности земли и имущества, а «на почве общности занятий» – «такие примеры нередки, что братья, разделившись домами и скотом, оставляют в общем владении землю, иногда не всю, а только часть, и обрабатывают ее вместе» [14, с. 103]. Небольшое семейное производство конкретного вида продукции.

Процесс деления приводил действительно к образованию разнообразных по форме организации или по форме собственности общин. Описание повседневной жизни и работы задруги после раздела дает в своих записках все тот же П. А. Ровинский: «все тут составляли одну семью, состоящую из старика и его сыновей и племянников, из которых двое были женаты и имели несколько детей... тут в семействе жило не более 10 или 12 человек, с детьми, но рядом двор также принадлежал к этой же семье: собственно это один двор, который недавно только перегородили надвое. Еще две семьи, так же вышедшие из этого же двора, поселились подалеже. До разделения вместе жило душ до 30-и, и составляли одну семейную общину – задругу... теперь же они соединяются на некоторые работы вместе... для этой работы собираются все семейства, принадлежавшие к одному роду и составляющие одну задругу, и работают поочередно, то у того, то у другого» [14, с. 97 – 98]. Видно, что процесс разделения только начался и автор все еще обозначает термином задруга большой род, а не отдельные, уже выделившиеся семьи.

Но с течением времени разделы видимо все-таки набирали обороты. Е. И. Витте, писавшая в начале XX в., упоминает меньшую по численности задругу, применяя этот термин в отношении небольших семей, – «эта задруга состоит из 6 мужчин: двух братьев, из которых один, вдовец, имеет трех сыновей, из них два женаты; другой брат, женатый, имеет одного сына, холостого... четыре женщины... каждая семья занимает отдельное помещение» [1, с. 424 – 425]. Также уже в начале XX в. русский военный историк Е. И. Маргшинов следующим образом характеризует увиденную им задругу, сравнивая ее с русской общиной, – «задруга отличается от русской общины тем, что каждая из входящих в ее состав семей владеет своим участком земли на правах полной собственности и, кроме того, может в любой момент выйти из состава товарищества» [11, с. 553]. О чем то похожем говорит и один из исследователей – «отделяется обитель... есть отдельно живут, но продолжают сообща работать, сообща платить подати, признают одного домачина... разделив очевину, продолжают сообща держать лошадей, волов или орудия производства» [6, с. 13].

Однако при этом современники отмечают, что в отдаленных, горных районах Сербии даже в конце XIX – начале XX вв. еще сохранялись большие, по несколько десятков членов, задруги: «в самом чистом виде задруги сохранились лишь в глухих уголках Сербии», – пишет автор в начале XX в., – «где еще нет настоящих дорог, и где жители за всю свою

жизнь, пожалуй, не видели ни одного большого города» [12, с. 591].

Сразу несколько авторов отмечают главное негативное последствие разделов – это увеличение бедных хозяйств, разорение тех небольших семей, которые выделались из общины. «Самая важная заслуга задруги в том, что она спасает своих членов от крайней бедности, то, что задружный быт более всего поддерживает благосостояние народа, особенно становится очевидным при разделах. Вместо прежних зажиточных семейных общин, после раздела являются маленькие отдельные семьи, которые вслед за тем обыкновенно начинают сильно бедствовать на своих мелких участках, ...дробление семьи ведет и к сокращению рабочих сил» [2, с. 378]. О том же самом ведет речь другой автор: «при образовании отдельных мелких хозяйств появились случаи обеднения, которых ранее не встречалось. Под влиянием неурожая или иных причин такое маленькое хозяйство начинало приходить в упадок и не могло нигде встретить себе помощи и поддержки. Если умирал владелец мелкого земельного участка, не оставя взрослых сыновей, его жена сплошь и рядом не была в состоянии обрабатывать землю, входила в долги» [5, с. 445]. К началу XX в. исследователи приводят следующие данные. Согласно анкете, произведенной Союзом сербских земледельческих задруг среди своих членов в 1910 – 1912 гг., накануне Первой мировой войны две трети владений (организованных в задруги) располагали меньшим количеством земли, чем предусматривал достаточный для существования минимум. Поэтому, по меньшей мере, 5 % нуждались в дополнительном доходе, помимо сельского хозяйства. Более половины не имело полной упряжи, треть – ни плуга, ни какого бы то ни было земледельческого орудия, у 18 % не было своего дома, 28 % проживало в исключительно негигиеничном помещении, 30 % по вечерам не имели света, 38 % никогда не спали в кровати [3, с. 26].

Однако, понятие бедности в Сербии, по крайней мере во второй половине XIX в., являлось относительным. Современники, бывавшие в Сербии, и русские и иностранцы отмечали, что для сербского крестьянства характерно равенство на уровне прожиточного минимума, в стране практически не было нищих, впрочем, как и чрезмерно богатых: «известное благосостояние есть удел каждого, и нельзя встретить той противоположности между чрезмерным избытком и крайней обездоленностью, которая так часта у нас», – писал о Сербии бельгийский ученый [19, с. 21]. «В этой стране богатство и капиталы распределены довольно равномерно, богач здесь такая же редкость, как и бедняк», – это уже слова русского добровольца [9, с. 182]. Особенно удивлялись русские путешественники, невольно сравнивавшие положение сербского и русского крестьянина: «селяки не испытывают и десятой доли нужды и бедствий нашего разоренного крестьянина» [16, с. 238]. Примеры подобных отзывов можно было бы продолжать. Помимо прочих очевидных вещей (например, благоприятные природные условия Балкан), значительная заслуга здесь принадлежала так называемому «Закону о народном благосостоянии» от 1873 года. По нему вводился никем не отчуждаемый аграрный минимум, чей размер оп-

ределялся количеством земли, которое крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней работы. Впрочем, гарантия сохранения определенного количества земли, даже в случае раздела, могла лишь способствовать этому самому разделу.

Последнее о чем хотелось бы поговорить – это отношение государства к задруге и к переделам. Выше уже приводился фрагмент, где министр внутренних дел сетует по поводу набирающего обороты процесса раздела задруг, что для государства с его точки зрения невыгодно: «поэтому мы все должны внушать нашему сельскому населению, что его высшая сила и мощь для благосостояния лежит в задруге, и ради любви собственного блага они не должны бросать задруги», – завершает свою речь министр [14, с. 101]. Действительно, ко второй половине XIX в. сербское правительство, что называется, спохватилось. Осознав, что предыдущее законодательство способствовало делению общин, оно начинает предпринимать меры, чтобы это предотвратить «разделение задруги обставлено некоторыми формальностями, и тот, кто послужил поводом к разделению, подвергается наказанию как за преступление» [14, с. 101]. В сохранении задружной организации сербскому правительству виделся залог сохранения благосостояния крестьянства, община давала уверенность в поддержании определенного достатка, того самого прожиточного минимума. Поэтому неслучайно именно идея сохранения задруги стала одной из ключевых в лозунгах крупнейшей к концу XIX в. партии – сербской народной радикальной партии (СНРП). Ее лидеры и основатели, Никола Пашич и Светозар Маркович, неоднократно подчеркивали, что их цель – это верность идеалам задружной жизни.

Публицист Е. Л. Марков передает разговор с Н. Пашичем, где тот подчеркивает, что идея сохранения задруги была свойственна радикалам с момента основания партии – «Маркович проповедовал только необходимость сельской общины на манер русской, чтобы не развился у нас пролетариат, чтобы Сербии не идти в этом отношении по следам Европы. И община у нас живет до сих пор: каждое селение имеет, помимо подворных участков, общинную землю для будущих членов своих и для общественных нужд. Об этом радикалы особенно хлопотали» [10, с. 349]. Во взглядах радикалов в полной мере воплотилась идея государства как уменьшенной копии задруги. В идеологии радикалов такое «задружное», народное, справедливое государство становилось альтернативой современному западному государству, где господствовали классовая и имущественная несправедливости.

Таким образом, одним из последствий модернизационных изменений второй половины XIX в., которые коснулись в том числе сербской деревни и общины, стало деление, распад последней. Процесс разделения, впрочем, не стал необратимым и само государство, к концу XIX в. стремилось сохранить проверенную временем «форму народной жизни», связывая с ней надежды на поддержание стабильности крестьянского хозяйства. В широком смысле ситуация с сербской задругой демонстрирует нам пример столкновения новации и традиции в рамках процесса вестернизации. И данный пример показывает, что, испытывая вызовы со стороны государства, традиционный институт сербского общества видоизменился, но при этом сохранился даже в начале XX столетия.

Литература

1. Витте, Е. И. Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия. Лето 1902 г. Киев, 1903 / Е. И. Витте // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
2. Водовозова, Е. Н. Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы / Е. Н. Водовозова // Русские о Сербии и сербах. – СПб., 1898; СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
3. Д-р Латинка Перович. Сербия в модернизационных процессах XIX – XX в. // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.): сб. статей. – СПб.: Алетей, 2007.
4. Демелич, Ф. Обычное право южных славян по исследованиям доктора Богшича / Ф. Демелич. – М., 1878.
5. Евреинов, Б. В. Статистические очерки Сербского королевства / Б. В. Евреинов. – СПб., 1903 // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
6. Евреинова, А. О задружном начале / А. Евреинова // Юридический вестник. – 1878. – № 8.
7. Ефименко, А. Исследования народной жизни / А. Ефименко. – М., 1884. – Вып. 1.
8. Ламанский, В. И. Сербия и южно-славянские провинции Австрии / В. И. Ламанский. – СПб., 1864 // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
9. Максимов, Н. В. Две войны 1876 – 1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последних войн: в 2 ч. – Ч. 1: Война в Сербии. – Ч. 2: Война в Болгарии / Н. В. Максимов. – СПб., 1879 // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
10. Марков, Е. Путешествие по Сербии и Черногории. Путевые очерки / Е. Марков. – СПб., 1903 // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
11. Мартынов, Е. И. Сербия в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца / Е. И. Мартынов. – М., 1913. // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
12. Пименова, Э. К. Сербия. Пг., 1916 / Э. К. Пименова // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
13. Ровинский, П. А. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. I, II. Вестник Европы. 1875. – Т. 6. Кн. 11 / П. А. Ровинский // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.
14. Ровинский, П. А. Сербская Моравы. Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г. / П. А. Ровинский // Вестник Европы. – 1876. – Т. 2. – Кн. 4 // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетей, 2006. – Т. 1.

15. Румянцева, А. А. Положение сербской женщины в 1860-е годы (по свидетельству П. А. Ровинского) / А. А. Румянцева // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. – М.: Логос, 2003. – Вып. 1.
16. Хвостов, А. Н. Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость христиан. Письма. – СПб., 1877 / А. Н. Хвостов // Русские о Сербии и сербах. – СПб.: Алетейя, 2006. – Т. 1.
17. Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX вв.). – СПб.: Алетейя, 2006.
18. Шемякин, А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868 – 1891) / А. Л. Шемякин. – М.: Индрик, 1998.
19. Шемякин, А. Л. Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских / А. Л. Шемякин // Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX – первая половина XX в.): сб. статей. – СПб.: Алетейя, 2004.
20. Шемякин, А. Л. «Мир детства» сербов в путевых записках П. А. Ровинского / А. Л. Шемякин // Славянский альманах. – 2003. – М.: Индрик, 2004.

Информация об авторе:

Селезнев Роман Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, 8-950-599-03-55, Roman3340@mail.ru.

Roman S. Selezenev – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.